

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ИЦКА И ДАВЫДКА

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Ицка и Давыдка

Аннотация

«В одном из тех кварталов Одессы, в которых дома сверху до низу набиты евреями, жили два друга – Давыдка и Ицка.

Дом, в котором жили друзья, выходил на улицу длинным глухим забором. Самое жильё – грязное и серое, с навесом, было расположено внутри двора, в заднем углу его. Двор утопал в грязи, и только ряд кое-как положенных где досок, где камней, спасал обитателей от риска по пояс завязнуть в непролазной, покрытой каким-то зеленоватым слоем, грязи...»

Содержание

I	4
II	10
III	18

Николай Гарин- Михайловский Ицка и Давыдка

I

В одном из тех кварталов Одессы, в которых дома сверху до низу набиты евреями, жили два друга – Давыдка и Ицка.

Дом, в котором жили друзья, выходил на улицу длинным глухим забором. Самое жильё – грязное и серое, с навесом, было расположено внутри двора, в заднем углу его. Двор утопал в грязи, и только ряд кое-как положенных где досок, где камней, спасал обитателей от риска по пояс завязнуть в непролазной, покрытой каким-то зеленоватым слоем, грязи.

Но ни эта грязь, ни это зловоние не отравляли существование друзей. Как истые философы, они даже не замечали её, как не замечали такой же грязи ни в своих квартирах, ни на своих ногах, как не замечали того пуху, который в изобилии покрывал их грязную одежду, бороду, волосы, шапки...

Ицка был мужской портной, Давыдка – дамский.

Их квартиры были одна против другой. В каждой, состоявшей из двух комнат, всякого населения, начиная с коростой покрытых детей и кончая подслеповатыми, с загнивши-

ми глазами, старухами, было битком набито.

В передней комнате каждого из друзей была мастерская, т. е. стол, стул, на котором сидели Ицка сам, а за Давыдку наёмный подмастерье. Сам Давыдка хотя и держал в руках всё нужное для работы, а именно материал, нитку и иголку, хотя и сдвигал самым энергичным образом свою шапку на затылок, но в сущности ничего не делал, и его звонкий голос ни на мгновение не уступал всему остальному хору голосов обитателей его квартиры.

Со стороны можно было бы подумать, по соединённому гвалту, что идёт ссора насмерть, но благодушные, удовлетворённые лица обитателей свидетельствовали, что это только свойственная этой расе манера говорить.

В квартире Ицки, напротив, царила какая-то гнетущая тишина. Ицка был нем, как рыба, и с утра до вечера, не разгибая спины, корпел над работой: только и видно было, как мелькала усердная иголка, то пришивая новую яркую латку на затасканное сукно, то восстанавливая согласие между двумя половинками рассорившихся штанов.

В сущности и Ицка и Давыдка ничего не имели, кроме избыточного количества грязных, гнилых подушек и пуховиков, из которых, при малейшем прикосновении, пух разлетался во все стороны. Тем не менее, Давыдка считал себя в сравнении с Ицкой богачом. И Ицка признавал это, благоговел перед могуществом Давыдки и был твёрдо убеждён, что без Давыдки он бы совсем пропал, хотя из страха возмож-

ного злоупотребления и скрывал тщательно это своё убеждение от друга под непроницаемым покровом своего молчания. Но Давыдка и без Ицки понимал значение своей дружбы с Ицкой и нередко запуская бесцеремонную руку то в Ицкину табакерку, то в Ицкин карман за 2 к. на свечку, без которой вечером работа совсем стала бы. Ицка кряхтел, но терпел, как терпел он всё, что только кому-нибудь угодно было, чтоб он терпел.

Однажды, когда Давыдка, по обыкновению, всё собирался приняться наконец за работу, а Ицка без устали работал, пришёл от пристава вестовой – он же кучер и дворник, угрюмый, неповоротливый хохол Андрий.

Андрий сперва заглянул к Давыдке, осторожно кашлянул и тогда уже вошёл в комнату.

Кивнув дважды головой, Андрий проговорил: – «здоровеньки булы», – пожал руку Давыдки и сел на скамью.

– Здравствуй, Андрий, – сказал не без достоинства Давыдка и хотя его очень подмывало поскорее узнать зачем пришёл Андрий к нему, но зная, что от Андрия всё равно раньше, чем его час придёт, ни одного слова не выудишь, решил пополнить этот мёртвый промежуток чем-нибудь таким, что помогло бы, как колёсам дёготь, легче шевелиться языку Андрия.

– Горилки хочешь?

Андрий подумал, заглянул в дальний угол, вскинул глазами на Давыдку, и решив, что нет ему основания не выпить,

ответил нерешительно:

– Та хйба ж що выпить?

Давыдка достал тёмный от грязи графин, такую же рюмку и, поместившись перед Андрием так, чтобы аромат горилки попадал ему прямо в нос, стал осторожно цедить, придерживая пальцем какой-то выбивавшийся из графина мусор.

Андрию никакого дела не было ни до грязной рюмки, ни до пальца Давыдки, зато аромат горилки Андрий с удовольствием вдыхал в себя, смакуя заблаговременно предстоящее удовольствие.

То, что Давыдка наливал тихо, не спеша, с толком, чувством и расстановкой, не только не раздражало Андрия, но напротив убеждало его, что Давыдка хороший и толковый жид, который знает обхождение с людьми, с которым можно приятно и не спеша помолчать, подумать, а то даже и обмолвиться каким-нибудь словом.

Все эти мысли черепашым шагом ползли в голове Андрия, пока Давыдка цедил, а Андрий водил глазами вокруг, причём начальной точкой окружности были глаза Андрия, а противоположной – губы Давыдки, которые он так аппетитно подбирал в себя, что у Андрия от предстоящего удовольствия уже начинало печь в серёдке.

Когда Давыдка наконец налил, он и тут ещё не сразу подал, а проговорив: «почикай трошке, я оботру рюмку», начал вытирать подозрительное место краем фалды своего не менее подозрительного сюртука.

Это внимание очень польстило и тронуло Андрия, и он уже заёрзал и прокашлялся, чтоб попросить Давыдку не утруждать себя излишними беспокойствами, и даже начало фразы уже стало сползать с его языка:

– Та вже...

Но Андрий вовремя сообразил, что во-первых Давыдку он всё равно не остановит от желания оказать ему любезность, а во-вторых всем и без того было совершенно ясно, что в таких случаях должно говориться.

Одной рюмки оказалось не достаточно, впрочем, чтоб раскатать Андрия, и Давыдка терпеливо повторил приём.

После этого Андрий сообщил, что Давыдку и Ицку требует пристав и, посидев «ещё трохи», поднялся наконец нехотя с насиженного уже места, на котором он заседал таким «чиловиком», каким сам себя считал.

Выйдя от Давыдки, Андрий прежде всего вспомнил, что «заборився», что пристав «як скаженный» напустится на него за это.

«Не покладая рук роблю, – размышлял разогретый водкой Андрий, идя по улице – хоть ты що... Як тый скаженный лае, лае... неначе ни чиловик, а собака... Тьфу! Бодай тебе гадюка съила!»

И Андрий, плюнув, так энергично зачесал свой затылок, что шапка его совсем съехала ему на глаза.

– Дядьку Андрию! – весело взвизгнула у кабака с подобранным подолом краснощёкая Оксана.

И Оксана, хлопнув ладонями, взявшись в боки, заступая нога за ногу. припевая с повернутой к Андрию головой:

Напилася горилочки,
Наилася маку, –

ловко прошлась перед Андрием.

– О-тож бисова баба, – проговорил Андрий, в приятном недоумении продолжая почёсывать затылок и соображая, что из всего этого может выйти.

Оксана не долго держала его в неизвестности.

– Ходыж мо! – энергично заворотила она и, толкнув Андрия в двери кабака, сама скрылась за ним.

II

Давыдка, выпроводив Андрия, накинул пальто и юркнул в квартиру Ицки.

Друзья горячо заговорили на своём жаргоне. Собственно говорил Давыдка, а Ицка только вставлял слова, не переставая шить.

Когда Давыдка, наконец, смолк, Ицка, положив свою работу на стол, всунул иголку в борт своего сюртука и встал.

У Ицки была длинная талия, и были очень короткие ноги, так что, пока он сидел, он производил впечатление высокого человека, когда же встал, то превратился в такого же маленького человека, как и Давыдка, но с тою существенною разницею, что Ицка был мешковат и неуклюж, а Давыдка был проворен и сложен безукоризненно. Лицом друзья тоже не были похожи. Ицка был грязный брюнет с седеющими прямыми волосами. Давыдка был кучерявый, с массою русых нечёсанных волос, блондин неопределённых лет. У Ицки была чёрная густая борода лопатой, у Давыдки – рыжая, жидкая, торчавшая клином. Глаза Ицки чёрные мрачно и безжизненно смотрели в себя; глаза Давыдки голубые, какие-то бесцветные, мало занимались собою, сверкали жизнью, практической смёткой, хотя, в то же время, и не лишены были некоторой мечтательности и доброты.

Ицка натянул своё продырявленное пальто, и друзья вы-

шли.

Мимоходом Давыдка ещё раз юркнул к себе, при чём сразу вызвал целый гвалт, который только тогда затих ему вслед, когда он исчез за калиткой.

На улице Давыдка весело шёл, беспечно предаваясь наблюдениям праздного туриста. До всего ему было дело. Он заглядывал в каждую встречную телегу, останавливал каждого еврея, и громкое «гир-гир» неустанно несло по улице.

Ицка шёл сосредоточенно, молчал и всё думал, думал и думал.

О чём?

Вероятно о чём-нибудь таком, что не поддавалось никакому ясному определению, но что не радовало, а угнетало, и что тоскливо и неясно замирало в его удручённом взгляде.

– Ширлатан ты, сволочь!

Так разразился Давыдка, получив увесистый толчок от пробежавшего мимо подростка.

– Ах ты жидюга проклятая!

И подросток, уже отбежавший было, повернул опять назад с самыми решительными намерениями.

– Гвулт! – закричал Давыдка и, распутив фалды своего пальто, с поднятыми руками, пустился от подростка наутёк.

Подросток давно уже прекратил преследование и исчез, продолжая свою дорогу, а Давыдка всё ещё не мог прийти в себя от нервного возбуждения и всё оглядывался, всё говорил:

– Ширлатан... сволочь...

Пустив, наконец, ещё одно звонкое ругательство, Давыдка сразу предал всё дело забвению и, успокоившись, опять «загиргиркал» с Ицкой.

Друзья повернули в большую чистую улицу и скоро подошли к красивому дому.

Они вошли через калитку в чистый двор, где сейчас же на них бросилась цепная собака, и хотя она была на крепкой цепи, но у неё были такие белые длинные зубы, такой красный язык, она так прямо в голову лаяла «гав-гав», что друзья невольно вздрогнули, а Ицка поспешно, на всякий случай, стал за Давыдку.

В таком виде друзья, не сводя глаз с собаки, пробрались осторожно к чёрному ходу, где и скрылись, поспешно захлопнув за собою дверь.

В большой столовой, куда ввели Ицку и Давыдку, благодушно сидели после обеда толстый пристав, его толстая жена и двое подростков детей: гимназист и гимназистка.

На соседнем столе лежали материи: трико стального цвета и шерстяная, светло-жёлтого.

– Послушай, Давыдка, и ты, Ицка, – проговорил пристав и остановился, чтоб выпустить со свистом сквозь зубы приятную отрыжку от гуся с кислой капустой, – вот это и это, – при чём пристав небрежно ткнул пальцем, – на платье к пасхе сыну и дочке.

– К пасхе-е? – озабоченно спросил Давыдка и стал что-то

тихо соображать.

Ицка покосился на Давыдку и тоже, подняв голову, вперив глаза в потолок, стал шевелить губами.

– Мало времени, – проговорил Давыдка.

– Мало времени, – повторил Ицка.

– Как мало? Две недели?

И пристав, нагнув немного голову, опять с лёгким свистом пропустил сквозь зубы новую отрыжку.

Давыдка не отвечая, обратился на родном наречии к Ицке.

– Ну только, пожалуйста, вы уж свои разговоры оставьте.

Меня ведь не проведёшь.

Брови пристава внушительно чуть-чуть сдвинулись.

– Хорошо, можно... – поспешил Давыдка.

– Можно, – кивнул головой Ицка.

Начался торг.

Мать с дочерью атаковали Давыдку, а отец с сыном – Ицку.

Давыдка стойко выдерживал натиск. Прежде всего он начал с видимым удовольствием с того, какое это должно быть платье.

– Из этой материи можно сделать такое платье-е...

Давыдка от умиления нежно поднял руки и показал слушавшим его дамам свои ладони. И хотя на маленьких грязных руках Давыдки, ладонями вперёд, ничего особенного кроме скромно выглядывавших длинных грязных ногтей не было, тем не менее сладкие приятные перспективы охватили

14-летнюю кокетку.

– Такое платье-е... У губернаторской дочки такого не будет...

Так как чего-то в роде этого именно и желалось засверкавшим глазкам кокетки, то Давыдка и хотел продолжать в том же роде и уже открыл было рот, но приставша бесцеремонно перебила его:

– Ну, там какое будет, ещё увидим... говори цену?

– Цену? – быстро спросил Давыдка и задумался.

– Вам как, барышня? гладко, чи может складки тут?

Давыдка целомудренно потряс рукой около своей груди.

– Складки дороже... – убеждённо кивнул головой Давыдка. – Тце! Что я вам скажу-у? Сделаем мы самую последнюю моду... Вы думаете Давыдка не знает последнюю моду? Давыдка всё знает...

– Всё? А где Сандвичевы острова? – весело рассмеялась гимназистка.

Давыдка смотрел на барышню лукавыми глазами.

– Барышня учёная... умная... Дай Бог ей ученье хорошо кончить... хорошего мужа найти...

– Не всё, значит, знаете?

– Что Давыдка? У Давыдки свет закрытый... Давыдка знает своё дело, покамест его за ноги не потащут на кладбище...

В то время, как так легко и весело искусный Давыдка достигал цели и успел настоять, почти ничего не спустив с назначенной цены, и оставить дам в приятном убеждении, что

хоть дорого да хорошо будет, Ицка совершенно не сумел удержать своей позиции.

Он решительно не мог противиться натиску грозно собиравшихся бровей пристава. Он соображал, что если помириться на цене, предложенной приставом, то за вычетом приклада и подкладки ему почти ничего не остаётся за труд. Собравшись с духом, он уже собирался развести руками и сказать убеждённо: «Никак невозможно», – как вдруг гимназист, глядя на его растерянную фигуру и вспоминая постоянные неудачи Ицки фасонисто сшить, тоскливо проговорил: – Опять испортит всё.

Это замечание повергло Ицку в такой страх, что отберут уже находившуюся в руках работу, что он, забыв все расчёты, тоскливо проговорил: «Ей-Богу же, панычику, не испорчу», и поспешно согласился на цену пристава.

Но даже и эта бледная попытка успокоить возымела своё действие: мечты гимназиста окрылились, и пред ним весело засверкал предстоящий праздник, а на нём он в своём нарядном костюме.

Когда портные ушли, напутствуемые строжайшим внушением не опоздать к назначенному сроку, пристав, барабаня пальцами по столу, проговорил, обращаясь к жене:

– Чёрт их знает! Только жид может так дёшево работать! Как они умудряются...

Пристав поднял плечи, опустил их назад, встал и, вздохнув, отправился к себе.

Приставша не могла похвалиться, что скрутила Давыдку и в душе была недовольна и собой и Давыдкой и утешалась только тем, что на будущее время подыщет более дешёвого портного.

* * *

Дома Ицку ждало неприятное осложнение.

Маленькому Гершке, его старшему от второй жены сыну (с первой Ицка был в разводе) вlepил в самый глаз камень какой-то мимо бежавший сорванец.

Теперь вместо глаза у Гершки торчал уродливо вздутый волдырь, за которым самый глаз так спрятался, как будто его никогда и не бывало.

На Ицку грустно смотрел единственный глаз лежавшего почти в беспамятстве Гершки.

Сердце Ицки тоскливо сжалось.

– Что делает ширлатан?! – только и проговорил он, мрачными глазами уставившись в сына.

Он осторожно попробовал раздвинуть опухоль, чтоб убедиться цел ли глаз, но Гершка запищал так жалобно, что Ицка оставил свой осмотр, ничего не выяснив.

Покачав ещё раз головой, вздохнув от глубины души, Ицка молча принялся за работу.

Добрую половину ночи Ицка шил, постоянно прислушиваясь к Гершке, который всё метался и стонал в лихорадоч-

ном сне. И каждый раз Ицка отрывался от работы, мрачно несколько мгновений смотрел перед собой, качал головой и тяжело вздыхал.

– Ширлатан, – тоскливо шептали его губы.

Наконец усталость взяла верх, и Ицка, потушив свечку, не раздеваясь, прилёг возле своей Хайки на свободный клочок грязного пуховика. Он долго ещё ворочался, – его кусали несносные блохи, клопы и ещё какие-то потайные зверьки. Руки, не успевая, проворно перебегали с одного места тела к другому. Наконец он уснул так же как и Давыдка, который давным-давно видел третий сон, застыв над ним с блаженной беспечной физиономией, с широко раскрытым ртом.

III

Друзья неделю провозились над заказом и, опоздав ровно вдвое против обещанного, понесли наконец свои образцы искусства к приставу. Оба шли далеко не с спокойным духом. Так же почтительно, как и всегда, пробрались они мимо собаки и вошли в дом.

Началась примерка. Платье Давыдки оказалось далеко не тем, что наобещал тароватый мастер. В первый момент разочарование было полное. Но смущённый до этого, Давыдка быстро воспрял духом и начал энергично отстаивать дело своих рук. Природное красноречие выручило его. Раздражение понемногу улеглось, в конце концов разочарование сменилось даже самодовольным скрытым убеждением, что в сущности платье хорошо сидит. Когда Давыдка высыпал целый ворох остатков, то это окончательно успокоило и мать и дочь и вызвало даже некоторый эффект.

– Единственное, за что я тебя терплю, – проговорила жена пристава, – это за то, что ты честный человек.

Честь – это была тщеславная гордость Давыдки.

– Давыдке чужого не надо, – ответил он удовлетворённо. – Положите золотую гору червонцев и скажите: Давыдка стереги – Давыдка червонца не тронет, жид-Давыдка... – прибавил он, тыкая в себя пальцем, и в голосе его зазвучала не то горечь, не то другая какая-то нотка, которая ещё больше

поворотила к нему сердце барыни...

– И знаете, что я вам скажу? – протянул Давыдка своим характерным акцентом. – Не надо Давыдке червонцев. Господин бога-атый смотрит на Давыдку и не считает Давыдку за человека, потому что Давыдка бедный, а он богатый. А не знает господин богатый, что и у Давыдки и у богатого только и своего, что последний перед смертью обед, который в нашем животе понесут с нами в могилу!

– Ну, только без подробностей.

– Глупый не понимает это, а как смерть придёт и глупый догадается, что Давыдка умней его был.

Кончилось тем, что Давыдка не только получил сполна за работу, не только получил разрешение взять и закурить папироску, но выпросил ещё и 3 рубля аванса в счёт будущих работ.

У Ицки дело обошлось совсем иначе. Он так упал духом от первого же замечания, что совершенно растерялся и смолк под искренним убеждением, что хуже того, что он сделал, ничего в мире не могло быть. Ясно, как это отношение портного к своему произведению действовало на молодого заказчика: костюм показался ему ещё отвратительнее, и все мечты о блеске праздника в новом костюме разлетелись и заменились унынием и раздражением. Раздражение это передалось и приставу, и он сначала спокойно, но потом всё сильнее и сильнее кипятясь, разразился следующей энергичной тирадой:

– Э, да что с тобой говорить! Я на твой счёт, каналья, отдам переделать! Давай остатки!!

Это было самое ужасное. Ицка полез в карман и вытащил два жиденьких обрезка.

– Всё?!

Ицка растерянными, даже как будто повеселевшими вдруг глазами смотрел в лицо пристава.

– Украл, мерзавец?!

У Ицки духу не хватило отпираться, так было очевидно, что он украл.

Один, два, три, и удары посыпались по обеим щекам Ицки.

«Бьёт», тоскливо промелькнуло в голове Ицки. А в то же время лицо его под ударами пристава, точно по команде, послушно поворачивалось то в ту, то в другую сторону.

– Вон!! – Ицка не стал ждать приглашения и вылетел в дверь.

Давыдка съёжился и точно не замечал, что происходит с его другом. Когда пристав, наругавшись досыта и проклиная всю жидовскую нацию, ушёл к себе в кабинет, жена его проговорила укоризненно Давыдке:

– Как же, Давыдка, ты честный человек, а дружишь с вором?

Давыдка только вздохнул и с непривычным угрюмым видом начал складывать свою простыню.

Ицка, выйдя на улицу, остановился под аркой запертых

ворот и уныло смотрел пред собою. Обрывки мыслей вертелись в голове.

«Нет денег... праздники... что сказать ожидавшей семье?»

И всё это, как огнём кипящий горшок, ожигалось горьким чувством обиды от ощущения битого лица...

В калитке показался Давыдка.

«Гир-гир, гир-гир», и друзья оживлённо обменялись мыслями.

Давыдка ещё подумал и медленно пошёл назад в дом, а Ицка, по-прежнему, остался ждать.

Давыдка, нерешительно войдя в дом, осторожно, с таинственной физиономией подкрался к жене пристава.

– Господи, как ты меня испугал! Чего тебе надо?!

Давыдка лукаво подмигнул в сторону кабинета пристава.

– Да говори толком!

Давыдка на этот раз далеко не красноречиво попросил приставшу похлопотать у пристава за Ицку.

– Я тебя совсем не понимаю, Давыдка... какой же ты честный, когда ты сам видишь, что человек украл...

– Тце!..

Но Давыдка за этим, так энергично сорвавшимся восклицанием, перебившим речь приставши, напрасно собирал свои слова для нового приступа.

– Нет, нет, Давыдка, и не проси... Я не пойду к мужу... Да он меня и не слушает... ты не знаешь ещё какой он,

когда рассердится...

– Тце!

– Да что, тце да тце – я не пойду!

Давыдка вздохнул.

– Что за нахальство, право? уж кажется всё дали: и деньги и вперёд, – нет, ещё лезет... Да ещё за кого просит...

– Эх...

– Ну, уходи, – вспыхнула окончательно приставша.

– Сударыня... Вы добрый человек... Слушайте, что я вам скажу...

– Ничего не хочу слушать.

Глаза Давыдки напряжённо перебегали с лица приставши в пространство.

Приставша случайно взглянула на Давыдку и вдруг проговорила:

– Иди сам к мужу.

Давыдка нерешительно посмотрел, быстро взвесил риск быть битым и проговорил с отчаянной огорчённой решимостью:

– Хорошо...

Пристав только было собирался прилечь после обеда.

– Тебе чего?! – резко остановил он вошедшего Давыдку.

Душа Давыдки ушла в пятки.

– Ваше высокоблагородие... вы важный барин... Давыдка, может, не смеет смотреть на такого господина, как вы... Другой, может, сказал бы: пошёл вон, Давыдка, ты вонючий

пархатый жид, – а ваше высокоблагородие жалеете бедного человека, потому что вы знаете, что Давыдка бедный, но честный человек...

Пристав сдвинул брови.

– Ты это адвокатом за Ицку?!

– Ваше высокоблагородие... – затоптался он на месте, – позвольте мне, глупому человеку, сказать два слова... Вы помните, и я и Ицка пришли торговаться... Вы знаете... что грех тут прятать... я прямо настоящую цену назначил. Вы сами учёный человек... Ицке против меня надо вдвое взять бы... Ну, считайте сами: подкладка...

– Да мне какое дело, что он дурак... – проговорил пристав, всё ближе надвигаясь на Давыдку.

– Он дурак, он совсем глупый... он глупей свиньи, – быстро проговорил Давыдка и ещё быстрее, не смотря, продолжал:

– Ваше высокоблагородие, пошлите сына узнать, чи правду я говорю... Он в лавку занёс остаток, а взял подкладки... Ваше высокоблагородие, вы человек справедливый... Вас царь отличает перед всеми... Ицка бедный жидок... ваши праздники и наши праздники... Вам всё Господь дал... на столе у вас много будет... – Давыдка вспомнил окорок, и в его голове пронеслась брезгливая мысль: «хай тебе с твоим столом», – кругом вас ваша жена, дети ваши будут... У Ицки куска мацы не будет без тех денег... У Ицки девять человек голодных сядет за пустой стол... Его жена, его малень-

кие дети ругать и смеяться станут над ним, что он к такому празднику ничего не припас им... Вам всё дал Господь, ещё даст... Пожалейте бедного человека...

Пристав слушал, чувствуя пустоту в том месте, где уж был приготовлен отпор нахальному жидку. Вошедшая жена пристава присела на стул и, не глядя на мужа, угрюмо проговорила:

– Да отдай уж ему...

Приходилось сдаваться.

– Будь я собака и прохвост, если я ещё когда-нибудь его позову! – взбешённо проговорил в утешение себе пристав, вытаскивая бумажник.

«Позовёшь!» – промелькнуло в голове Давыдки.

– Хай ему мама мордовала, – я и сам с ним не пойду больше... – ответил Давыдка, ловя брошенные деньги.

– И только потому даю, что ты честный человек...

Давыдка вспыхнул и кивнул головой от удовольствия иметь право быть честным человеком. Как упругая поверхность отражает ударяющиеся об неё тела, так живое изображение Давыдки быстро отразило брошенное ему крылатое слово.

– Вы большой барин... Давыдка паршивый маленький жидок, а Давыдка стоит рядом с таким большим барином на одной доске, и вам не стыдно с ним стоять. А почему вам не стыдно с ним сто-я-ять? Потому, что вы знаете, что Давыдка честный человек... Пра-а-вда?

Пристав кивнул головой.

Но фантазия Давыдки разыгралась. Его вдруг охватило непреодолимое желание ещё нагляднее почувствовать своё право честного человека.

– Ваше высокоблагородие... – Давыдка протянул свою грязную маленькую руку и замер на мгновение от страха. – Ваше высокоблагородие... Никогда чужого эта рука не взяла... Никогда мне такой важный барин...

Давыдка остановился, собрал все силы и, решительно, чуть-чуть даже нахально кивнув головой, проговорил:

– Пожмите мне эту руку!

Растрёпанный, с грязной помятой манишкой, весь в пуху, распространяя вокруг себя тонкий аромат чеснока, с двумя когда-то белыми кисточками, живописно торчавшими из-под жилетки, Давыдка держал в воздухе протянутую руку и вдохновенно смотрел на пристава.

– Что ж, – растерялся пристав, – я пожму, – и он действительно как-то быстро-сконфуженно пожал руку Давыдки.

Давыдка побагровел, и на лице его от напряжения надулись жилы. Он важно, подавленным от избытка чувств голосом решительно проговорил, отчаянно махнув рукой:

– Сына в солдаты отдам, – нехай Царю служит!

И, принеся эту высшую жертву на алтарь отечества, Давыдка, уже с полным апломбом протянув руку пристава и двум подросткам, которым подал свою маленькую грязную руку даже с каким-то покровительственным снисхождени-

ем, – вышел из кабинета.

Отец будущего солдата даже и пред собакой почувствовал своё достоинство и, почти не поворачиваясь к ней, гордо прошёл мимо. Только у самой калитки он как-то совершенно бессознательно ускорил последний шаг и, выпрыгнув, неожиданно очутился перед Ицкой.

Ицка всё в той же позе тревожно впился глазами в Давыдку.

Давыдка молча вынул деньги и передал их Ицке.

Ицка облегчённо вздохнул, пересчитал деньги и быстро спрятал их в карман.

Друзья пошли домой.

Давыдка, сдвинув совсем на затылок свою шапку, не спеша выступал по улице с заложенными в карманы штанов руками, весь погружённый в приятные ощущения всего происшедшего.

Проходя мимо старой еврейки, разложившей маковники, Давыдка пренебрежительно остановился и, перебрав почти весь товар, выбрал, по числу детей, семь самых лучших тяжёлых маковников. Так как следовало за них 3 коп., а из данных Давыдкой 4 коп., полкопейки сдачи не оказалось, то Ицка, переговорив с другом, взял тоже один маковник для Гершки.

Через несколько минут, тихо отворив дверь, Ицка осторожно вошёл в свою квартиру и, окинув всех своими потухшими глазами, остановился на поправлявшемся и уже сидевшем Гершке. Осторожно шагая через детей, он подошёл

к его кровати и, присев на корточки, внимательно осмотрел повреждённый глаз сына.

Лицо Ицки осветилось тихой, ясной радостью: далеко, далеко, в разделе двух опухолей, целый и невредимый глаз Гершки уже сверкал привычным выражением отца.

Ицка облегчённо вздохнул и подумал: «будет портным».

Гершка ничего не подумал, но с удовольствием схватил худенькой ручкой маковник, жадно стал есть его, при чём каждый кусочек сопровождался завистливыми и внимательными взглядами, в безмолвном созерцании столпившихся вокруг него, братьев и сестёр.

Давыдка победителем, с шапкой на затылке сидел на рабочем столе, болтал ногами, а кругом него весёлый дружный «гир-гир» звонче, чем когда бы то ни было, оглашал спёртый тяжёлый воздух двух маленьких грязных комнат.

Пятнадцатилетняя дочка Давыдки, молодая невеста, с чёрными большими глазами, придерживая сваливавшуюся косу, вытянув шею, весёлыми блестящими глазами смотрела и жадно вслушивалась в обобщение отца, который, махнув рукой, как-то небрежно, весело закончил:

– И свиньёй я его назвал, и мне вдвое больше он дал, и вперёд дал, и руку пожал, а Ицку по морде...

Даже пятилетний Лейба с живописно торчащим сзади хвостиком грязной рубахи, обсасывая свой маковник, ловя интонацию звуков, весело кричал:

– Гвулт!

И прыгал на одной ноге.